

АЛЕКС БЭТТЛЕР

Том I
Введение в мирологию

Алекс Бэттлер

**Мирология. Том I.
Введение в мирологию**

«ИТРК»

2014

Бэттлер А.

Мирология. Том I. Введение в мирологию / А. Бэттлер —
«ИТРК», 2014

Автор предлагаемого труда – канадский ученый Алекс Бэттлер (Олег Арин), перу которого принадлежит более 400 работ в различных областях науки, включая 22 индивидуальные монографии. Результатом его научной работы стало открытие ряда законов и закономерностей в области философии, социологии, теории международных отношений. Предлагаемый многотомный труд не имеет аналогов в мировой научной литературе, поскольку в нем впервые поставлена задача создания целостной науки – мирологии (науки о мире). Первый том посвящен основам новой науки, ее философской и науковедческой базе, т. е. фундаменту, на котором строится все здание мирологии. В последующих томах раскрываются ключевые понятия и категории, на которых базируется современная научная дисциплина – теория международных отношений. Новое авторское видение и открытие законов и закономерностей в теории международных отношений превращает данную дисциплину в науку о мире. Автор вводит новые понятия и категории мирологии, а также вскрывает законы и закономерности, на основе которых функционирует вся система мировых отношений. Автор полемизирует практически со всеми ведущими учеными мира в области международных отношений, и его аргументированный философский стиль нападения впечатляет тщательностью и глубиной. Книга рассчитана на исследователей, ученых, знатоков философии и всех тех, кто стремится познавать мир.

© Бэттлер А., 2014

© ИТРК, 2014

Содержание

Предисловие	8
Введение: предмет исследования	12
Книга 1	19
Глава 1. Философские основы теорий международных отношений	19
1. Классики прагматизма и позитивизма	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алекс Бэттлер
Мирология. Прогресс и сила в мировых
отношениях. Т. I. Введение в мирологию

© Алекс Бэттлер (Alex Battler), 2014

© Издательство ИТРК, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

В. Бэттлер. Диалог Фауста и Мефистофеля.

Предисловие

Предлагаемый труд является завершением цикла моих работ о силе и прогрессе. Напомню читателю, что в первой книге «Диалектика силы: онтобгия» была вскрыта онтологическая сущность силы на философском уровне, затем были проанализированы ее проявления в космосе в контексте теории Большого взрыва, в органическом мире – с точки зрения решения проблемы жизнь – нежизнь и в психологии – при решении проблемы тело – разум. Во второй книге «Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала)» разработка понятия *онтологическая сила* позволила вскрыть феномен прогресса в обществе и сформулировать два фундаментальных начала общественного развития. И как я обещал читателям, в следующей работе сила и прогресс должны были стать главными героями в исследовании мировых отношений.

Я собирался анализ этой темы вместить в одну книгу, аналогично прежним, но не тут-то было. Поначалу идея была довольно простой. Поскольку у меня самого было написано немало по теории международных отношений, я намеревался проверить свое новое понимание силы и прогресса на своем же материале, а также на нескольких работах современных авторов. Но к своему удивлению, я обнаружил очень большое количество исследований, которые пробудили во мне желание подвергнуть их критике. Причем это касается не только ученых консервативного направления, но в неменьшей степени из так называемого левого лагеря, которых нередко именуют неомарксистами.

В старые добрые времена, когда я писал статьи по теории международных отношений, я не понимал истоки воззрений различных школ, скажем, «политических реалистов» в США. И только сейчас, когда в моду вошло изучение тех или иных направлений в теории международных отношений на основе анализа их философских учителей, многое стало ясно. Но для освещения этой ясности мне понадобился «лишний» том, который и предвещает все исследование.

В результате объем исследования разросся до пяти томов и охватывает практически все основные проблемы мировых отношений, которые обсуждаются теоретиками и международниками ведущих стран мира. Поскольку мне пришлось обработать колоссальный массив научной литературы и, соответственно, его систематизировать, стало вырисовываться нечто, напоминающее науку, которую я назвал Мирологией – Наукой о мире. Подробнее об этом читатель может прочесть во Введении.

Обычно такого типа работы пишутся коллективом авторов, иногда целыми институтами. Я же писал один, без помощников, без консультантов и советчиков. В этом заключается принципиальная позиция, связанная с моим глубоким убеждением, что коллектив авторов в принципе не в состоянии создать целостную науку, поскольку каждый из авторов знает только собственный фрагмент исследовательского поля. Мне не приходилось встречаться ни с одной коллективной работой по теории международных отношений, в которой был бы хотя бы намек на целостное восприятие международных реальностей, не говоря уже о понимании общего направления развития всей мировой системы. С подозрением я отношусь и к «ценным советам» в ходе написания той или иной работы, за которую обычно авторы благодарят своих коллег и друзей. Я не могу представить, чтобы Спиноза, Декарт, Гоббс, Кант, Гегель и другие аналогичные величины прислушивались к советам своих «коллег». Те же, кто прислушивается, исчезают в небытии.

В написании данной работы я столкнулся с любопытным феноменом. Дело в том, что я русский по происхождению и советский по воспитанию. То есть моей родиной был Советский Союз. После распада СССР я переехал на Запад и стал гражданином Канады. Но психологически не ощущаю себя человеком западного мира. И хотя тип моего мышления формировался именно западной культурой и философией, прежде всего немецкой, я не могу сказать, что я

западный исследователь. Точно так же я не могу называть себя российским исследователем. К какой стране себя отнести, я не знаю и поэтому при анализе работ тех или иных ученых пишу «российские ученые» или «западные ученые», не относя себя ни к тем, ни к другим.

Данное сочинение с самого начала предназначалось двум аудиториям: в России и на Западе. И в этой связи возникла проблема лексикона. Совершенно понятно, что лексический аппарат российских ученых отличается от терминологии западных ученых. Скажем, если для российских ученых, по крайней мере для тех, кто я еще не забыл марксистскую терминологию, слова *базис*, *надстройка*, *формация* и т. д. являются понятными, то для западных, большинство из которых не владеет такой терминологией, они совершенно непонятны. И наоборот, западнику не надо объяснять, например, слово *рефлексивизм*, а российскому надо. Но даже одно и то же слово, скажем, эпистемология, по-разному понимается в двух мирах. Поэтому мне приходилось разъяснять такого типа слова не без опасения, что это может вызвать раздражение у тех, кто знаком с ними. Заранее прошу извинить.

Сразу же хочу предупредить читателя о стиле изложения в связи с политкорректностью. Об этом я много раз писал в предыдущих работах. Есть смысл повторить и здесь. В отличие от всех российских ученых я не употребляю множественное число типа «мы», «нам представляется», «мы предлагаем» и так далее в том же духе. Хотя такая форма и является старой традицией так называемого научного языка, я ее категорически отвергаю как неосознанную попытку уйти от ответственности за сказанное и написанное. В англоязычной научной среде эта традиция, к счастью, нарушена. И я среди нарушителей.

Большая часть данного труда посвящена критике работ ученых по различным темам. Критика по определению не может быть беспристрастной. Поиск истины происходит на фоне борьбы мнений, представлений, теорий, за которыми стоят конкретные лица со своим темпераментом и политическими или идеологическими предпочтениями. Нынешняя политкорректность, получившая распространение на Западе, особенно в США, где-то с конца 1990-х годов, пытается свести эту борьбу к общепримирующему «консенсусу» братьев по разуму, призывая к «толерантности», т. е., говоря по-русски, к терпимости и уважению «чужих мнений». Казалось бы, благородная цель. Но эта цель лишила науки боевого духа. Помимо словесной преснятины, она, допуская любые мнения, фактически стала поощрять возрождение лженауки. И самое важное – лишила науку ее главного предназначения, коим является поиск истины. Поскольку плюрализм мнений, на чем настаивают некоторые исследователи, и есть смысл науки. Все мнения важны, все довольны. В дураках остается только истина. И кстати сказать, сам язык. Если в спорах убрать слово *stupid* и его синонимы, из английского языка исчезает сразу около 260 слов.

Я не «толерантен» и не политкорректен. Это не значит, что мой текст изобилует какими-то оскорблениями или ярлыками. Просто каждый исследователь получает оценку в соответствии с тем вкладом, какой он внес в реальную науку.

И еще о языке с другого угла зрения. Хотя моя работа является научным исследованием, я стараюсь избегать наукообразного изложения. Она отличается от современных работ по философии, политологии и социологии, которые изобилуют псевдонаучной терминологией. В особенности этим грешат российские научные сотрудники, ни один из текстов которых не обходится без таких слов, как «дискурс», «паттерн», «анимия», «ретриты», «менталитет», «идентичность» и т. п. Хотя этот околонуточный англоязычный убивает русский язык, они этого не замечают. И не понимают, что если мысль искажает родной язык, то в ответ такой язык искажает мысль.

Это не означает, что я непримиримый противник иностранного лексикона в русском тексте. Представленная работа охватывает различные научные дисциплины, каждая из которых действительно имеет свою устоявшуюся терминологию. К примеру, придуманное Т. Куном слово «парадигма» трудно заменить на русский эквивалент, и вряд ли это нужно делать. В

теории международных отношений прочно закрепилось слово «актор», который к тому же дает смысловую нюансировку в сравнении со словами «субъект», или «агент» международных отношений. Мне не нравится слово «когнитивный» в психологии (ему есть адекватное русское слово – познавательный), но оно тоже «въелось» в науку. Я негативно отношусь только к тем словам из англоязычного, которые легко передаются русским языком. Тот же самый «менталитет» передается словом «умострой», а «идентичность» – словами «самобытность», «самовосприятие». В тех же случаях, когда мне приходилось изобретать слова для новых понятий или категорий, я предпочитал обращаться непосредственно к греческому или латинскому языкам.

Поскольку в данной работе очень много говорится о теории международных отношений, то, как обычно в такого типа книгах, в целях экономии пространства эти три слова передаются аббревиатурой ТМО. Если же речь идет не о научной дисциплине, а о реальных международных отношениях (МО), тогда аббревиатура МО обычно не используется, за исключением тех мест, где это словосочетание повторяется слишком часто.

Несколько слов о содержании работы. В первом томе (книга 1) анализируются философские основы всевозможных ТМО, их науковедческая база. А также мои формулировки (книга 2) наиболее важных понятий и категорий (наука, сила, прогресс), которые в дальнейшем станут инструментами познания явлений, имеющих отношение к международной тематике. Во втором томе (книга 1) предлагается критический анализ работ теоретиков-классиков ТМО и современных авторов различных направлений и стран. В этом же томе (книга 2) я предлагаю решения многих проблем, которые до сих пор дискутируются в рамках ТМО. Третий том (книги 1 и 2) – это уже синтез понятий и категорий, сбор их в одну систему координат, своего рода «дерево», состоящее из взаимосвязанных терминов, понятий и категорий, которые позволяют на научной основе делать анализ и прогнозы мировых отношений. Четвертый том – политэкономия мировых экономических отношений. Наконец, пятый том (книги 1 и 2) – это, с одной стороны, анализ мировых проблем, или, точнее, мировых противоречий, которые являются движущими силами всей системы мировых отношений, а с другой – попытка прогноза движения мировых отношений до середины XXI в. Конечной же целью моего сочинения является превращение ТМО как научной дисциплины в науку Мирологию.

Сразу же хочу предупредить читателя. Предложенный труд, несмотря на доступный язык, не является легким чтением. Для достижения поставленных задач было привлечено множество научных дисциплин, каждая из которых сама распадается на ряд всевозможных направлений. Поначалу я собирался работать на поле ТМО, международных отношений, политологии, социологии и политэкономии. Но вопреки моим первичным намерениям, я вынужден был втянуться в философию, международное право, науковедение, культурологию, религию, информатику, психологию, языкознание. И я, конечно же, представляю, что не каждый читатель знаком с названными науками одновременно. Но для того, чтобы усваивать любые тексты в сфере гуманитарных наук, достаточно овладеть навыками философского мышления, желательно на текстах Гегеля. Даже изучение его учебника для гимназий – «Философская пропедевтика» – может облегчить чтение любой научной литературы из дисциплин, упомянутых выше. Если же кто-то одолеет «Науку логики» Гегеля, тогда ему не страшен даже «Капитал» Маркса.

Суть в следующем: если читатель не обладает навыками абстрактного мышления, не знаком с фундаментальными философскими понятиями и категориями и у него недостаточно усидчивости, чтобы освоить диалектические азы философии, ему не стоит терять время. Эти книги не для него. Они для тех, кто пытается познать сущность мировых отношений без идеологических и пропагандистских клише, для тех, кто пытается понять, куда движется мир и как выводятся законы, которые его движут. Задача не из легких. Но познавать мир никогда не было легкой задачей.

И последнее. Выше я отметил, что у меня не было ни советников, ни помощников в написании данного труда. Это не совсем так. С самого начала эпопеи вдохновителем была моя

жена, Валентина Бэттлер, которая поначалу вынудила меня взяться за «Диалектику силы» и до сих пор не дает покоя и явно не даст, пока я не закончу весь цикл, посвященный прогрессу и силе. Ее роль не ограничивается только лишением меня спокойной жизни. Она осуществляет первоначальное редактирование чуждого ей текста, а также всю подготовительную и шлифовочную работу, поддерживая мое «техническое» и физическое состояние как человека, не способного к бытовой жизни. И это при всем при том, что сама она является выдающимся художником, поэтом и критиком. Чтобы читатель мог оценить ее художественные качества, я поместил в этом томе ее картину («Диалог Фауста и Мефистофеля»), которая по своему содержанию имеет отношение ко всему написанному мною.

Слова благодарности были бы слишком незначительны для оценки вклада Валентины в данную монографию. Могу только сказать, что без ее участия не было бы ни этой книги, ни других.

Все свое научное творчество, включая и данный труд, я посвящаю своей жене – Валентине Бэттлер.

Алекс Бэттлер

Нью-Йорк, июль 2013 год

Введение: предмет исследования

Те, кто занимается теорией международных отношений, сталкиваются с проблемой определения самого предмета исследований. Казалось бы, чего проще, предмет исследования – международные отношения. Но сразу же возникают вопросы: чем международные отношения отличаются от мировых отношений? Входят ли в сферу этих отношений экономические отношения? Или наоборот, входят ли в мировые экономические отношения международные, имея в виду, что главными субъектами международных отношений являются государства. А как быть с отношениями в областях культуры, спорта и многими другими, которые тоже вплетены в ткань мировых отношений? Возникают также вопросы, какова разница (и есть ли она вообще) между международной *политикой* и международными *отношениями*, между международной политикой и внешней политикой того или иного субъекта?¹ Можно и дальше задавать аналогичные вопросы, которые парализуют ответ относительно предмета исследования.

Существует вопрос и другого рода: являются ли международные отношения сферой науки или, как минимум, самостоятельной научной дисциплиной? И если да, то в каких отношениях эта наука находится с социологией и политологией? Вопросы неспроста, поскольку и та и другая область знаний анализируются на базе одних и тех же терминов, некоторые из которых рассматриваются как понятия (сила, власть, интересы, безопасность и т. д.). Проблемы смешения понятий довольно часто возникают при наложении или пересечении наук. Как известно, в западной науке предмет «Международные отношения» изучается как ответвление политологии. Кэн Бут, например, полагает, что «политология может серьезно изучаться только как ответвление политики в глобальном масштабе. Мировая политика является домом политической науки, а не наоборот. Кант был прав: политическая теория должна быть международной теорией»².

Другие же ученые придерживаются противоположного мнения: наоборот, именно теории международных отношений являются частью политологии. А некоторые полагают – социологии. Единогласия по названным проблемам нет.

Не существовало их и лет тридцать назад, когда я впервые столкнулся с названными проблемами. В то время я собрался написать книгу по теории международных отношений. Как и многие международники-теоретики, я тут же запутался в определениях, упомянутых выше, а также во множестве других, типа что такое *сила* в международных отношениях, есть ли разница между *силой* и *мощью* и т. д. Изучив немало работ по теории международных отношений, я понял, что в рамках политологии, социологии и международных отношений не найду ответов на эти вопросы. Ответы надо искать на другом, философском, и не просто философском, а онтологическом уровне. Иначе меня ждет судьба всех теоретиков, которые до сих пор так и не выбрались из понятийно-категориальной путаницы. Мне пришлось предварительно изучить важные явления, без которых невозможно было бы обратиться непосредственно к международным отношениям. В результате были написаны монографии «Диалектика силы» и «Общество: прогресс и сила», после которых многое мне стало понятным.

Правда, я думал, что за это время «многое стало понятным» и другим теоретикам международных отношений. Начал изучать современную литературу и крайне удивился тому, что в ней до сих пор обсуждаются проблемы 30-летней давности. Хотя кое-какие новшества все-таки появились. Прежде всего, уже ни одна работа не обходится без слова *глобализация*. Благодаря неутомимости женщин, отстаивающих свои права, появилось еще одно течение – *феминизм*

¹ Такого типа вопросы задаются во введениях практически ко всем книгам по теории международных отношений. Например, см.: Burchill (et al.). Theories of international relations, p. 5.

² Booth and Smith (eds.). International Relations. Theory Today, p. 340.

е теории международных отношений. Старые же классические школы обогатились за счет приставки нео: неолиберализм, неореализм. Эти «нео» в какой-то степени отражают нюансы, которые внесли ученые в свои теории в результате распада биполярной системы и возникновения однополярной. Появились новации и в старом споре о границах между внутренней и внешней политикой – поставлен вопрос: брак между гражданами разных стран это акт международных отношений или нет? Следующим этапом, не исключая, будет анализ того, является актом международных отношений избиение иностранца либо драка между фанатами из различных стран или это все-таки войдет в раздел местной криминальной хроники.

Когда я просматривал современные работы по международным отношениям и сравнивал их с работами 20–30-летней давности, у меня невольно закрадывалась мысль: а не являются ли подобные детализация и фрагментация сознательным актом с целью искусственного сохранения проблем, которые можно обсуждать бесконечно, обеспечивая себе безбедное существование? Неужели, подумал я, Наум Чомски был прав, когда писал: «Интеллектуалы делают карьеру, пытаясь простые вещи сделать сложными, поскольку это является одним из способов получать зарплату и т. д.»³. Подозреваю, во многих случаях это так и есть.

Как бы то ни было, благодаря тому, что практически все проблемы теории международных отношений до сих пор оказались нерешенными, я осмелился написать труд, в котором сделана попытка не просто ответить на постоянно обсуждаемые проблемы-вопросы, но и сконструировать некий каркас науки, которую я обозначаю на русском языке термином *мирология*, т. е. наука, или учение о мире. На английском языке она будет называться *worldscience*, на немецком – *Weltlehre* или *Weltwissenschaft*⁴, на японском и на китайском предположительно *sekai kagaku* и *shijie kexue*.

Поначалу у меня было искушение назвать предмет мировидение по аналогии с немецким *Weltanschauung*, но такое название предполагало бы простую созерцательность происходящего на мировой арене. «Видеть» – это все-таки не наука. В результате предмет исследования я определяю следующим образом: *мирология – это наука о мире, изучающая все явления и закономерности, происходящие на мировой арене, и отвечающая на один вопрос: в каком направлении движется человечество?*

Эта наука опирается на различные научные подразделения, хотя и взаимосвязанные между собой, но имеющие свою исследовательскую нишу, в которых вскрываются специфические законы, касающиеся судьбы всего человечества. Среди таких подразделений можно назвать науковедение, демографию, культурологию, экологию и др.

Сразу же есть смысл оговорить два важных качества, отличающие мирологию от других наук. Разграничение, или классификация наук не простое дело. Ею занимались крупные философы, начиная с Аристотеля, римский энциклопедист Марк Варрон, средневековый мыслитель Гуго Сен-Викторский, Роджер Бэкон, Френсис Бэкон, занимаются ею и современные науковеды. Классификация наук различается в зависимости от как исторического времени, так и конкретных стран. В настоящее время количество наук в области обществоведения (плюс гуманитарные науки) варьируется от 20 до 25, но среди них нет науки о мировых, или международных отношениях. И ее не может заменить социология, которую, как уже говорилось, некоторые распространяют и на международные отношения.

Чтобы понять, чем отличается социология от мирологии, надо выяснить, что такое социология. Определений много, но здесь воспроизведу определение авторитетного социолога Энтони Гидденса. Оно короткое: «Социология – это наука о социальной жизни групп и сообщ-

³ *Understanding power. The Indispensable Chomsky*, p. 211.

⁴ Следует, правда, отметить, что один из немецких теоретиков-международников, Матиас Альберт, также вовлечен в создание науки под названием *Wis sense haft vom Globalen* (досл. – наука о глобальном, нечто типа научной глобалистики). О нем см.: Holden. *The state of the art in German IR*.

ществ людей»⁵. В мирологии же речь идет *о жизни человечества*. В этом главное ее отличие. Но не только.

Осями координат мирологии являются категории *сила* и *прогресс* в системе мировых отношений. И первый и второй термин среди теоретиков имеет множество интерпретаций, которые будут проанализированы в соответствующих разделах. В связи с этим важно проследить, в каких явлениях мировой системы обнаруживает себя онтологическая сила и движется ли мир по пути прогресса. Я предполагаю строить свой подход главным образом через анализ политэкономии мировых отношений. Причина такого принципа будет ясна в дальнейшем. Здесь же хочу отметить еще один момент.

Некоторые теоретики определяют политэкономия международных отношений как одну из составных частей общей теории мировых отношений. Я же исхожу из того, что все явления мировой истории являются отражением политики и экономики, которые соответствуют каждой отдельной эпохе и каждой человеческой общности, начиная с первобытных обществ до современных государств. Базовые сущности этих двух фундаментальных категорий можно проследить в любом явлении, даже в таком размытом, как *любовь*⁶. В данной конкретной работе областью использования этих двух категорий будут мировые отношения с анализом всех их элементов, которые определяют современное состояние этих отношений и их будущее, по крайней мере на глубину до середины века. Детальное объяснение контура предмета исследования будет сделано в соответствующем разделе на фоне критического анализа взглядов оппонентов данного подхода.

Сразу же хочу оговориться, что многие фрагменты, включенные в эту работу, были разбросаны у меня в различных статьях и монографиях. Но поскольку я не уверен, что эти работы доходили до читателя, держащего данный труд в руках, я вынужден был вновь собрать их и воспроизвести некоторые из них в соответствии с логикой построения данной монографии. В частности, это относится к описанию категории *силы* на онтологическом, органическом и общественном уровнях. Это же касается понятия прогресса и двух начал (законов) общественного прогресса, разобранных мной в монографии «Общество: прогресс и сила». Повторяю я и критический разбор подхода некоторых школ к понятиям *сила* и *интерес*.

В целом же идея данной монографии заключается в том, чтобы, выражаясь термином А. Богданова, попытаться «организовать» науку о мире, которая должна обладать всеми качествами, требуемыми для выделения определенной области знаний в разряд науки.

Я отдаю себе отчет в том, что наука не создается одним человеком и в короткое время. Любая наука складывается на протяжении многих лет, иногда и столетий, пока накопленные факты, теории, закономерности в той или иной области не наберут определенную «массу» (это прежде всего категориально-понятийный аппарат), которая позволяет утверждать: появилась новая наука. Никто не укажет конкретную дату возникновения физики, химии, биологии, экономики и т. д. Но любой историк науки может обозначить ту или иную научную величину, вклад которой и провоцирует скачок в превращении дисциплины в науку. Иоганн Кеплер – астрономия, Галилео Галилей и Исаак Ньютон – механическая физика, Карл Маркс – экономика, Норберт Винер – кибернетика и т. д.

В этой связи необходимо сделать еще одно замечание. Некоторые теоретики, скептически относящиеся к возможности формирования науки о мире, путают науку с теорией. Так, американка Джин Беске Эльстайн с присущей женщинам эмоциональностью полагает: «я считаю, что не может быть создана великая, формализованная, универсальная теория международной политики... сами поиски всеохватывающей теории сомнительны»⁷. Социолог права в

⁵ Гидденс. Социология, с. 17.

⁶ Бэттлер. О любви, семье и государстве.

⁷ См.: Booth and Smith (eds). International Relations. Theory Today, p. 271.

том смысле, что нет ни одной универсальной теории, которая покрывала бы всю науку. Более того, не только теория, но и сама наука не может быть универсальной, объясняющей все и вся. Подобного типа скептицизм вызывается тем, что очень многие исследователи не очень понимают функциональной роли тех или иных методов познания, включая один из них – теорию.

Есть смысл сразу же информировать читателя о том, что все мое исследование строится на базе гносеологии, или эпистемологии, разработанной классиками марксизма-ленинизма. Другими словами – на основе марксистско-ленинской теории познания. Я прекрасно осознаю, что таким заявлением сразу же резко сокращаю количество потенциальных читателей, особенно в странах развитого капитализма, поскольку здесь идеология всех видов общественных наук строится как раз на противостоящих марксизму философиях, которые в конечном счете вытекают или упираются в идеализм и религию.

Многим такое заявление может показаться особенно вызывающим или, как минимум, непродуманным именно в наше время, когда совсем недавно марксизм-ленинизм с треском провалился вместе с распадом СССР и стран социалистического содружества в Восточной Европе. Действительно, буржуазные ученые всех стран с нескрываемым удовлетворением объявили о «коллапсе» не только «коммунизма», но и всей марксистско-ленинской идеологии, на которую этот «коммунизм» опирался. Это событие продемонстрировало, по словам Криса Брауна, «очевидную несостоятельность марксизма»⁸. Постоянно повторяется мысль, что исследования на основе марксизма были неглубоки и поверхностны. В ответ на это сразу же напрашивается вопрос: чем концепции «неореализма» или «неолиберализма» в рамках теории международных отношений глубже идей марксистов? Или идей любой другой школы, исследующей международные отношения? Практически все теоретики и вообще исследователи-международники признают, что ни одна из школ так и не сумела создать стройную науку о международных отношениях.

Утверждения о «несостоятельности» марксизма имели бы хоть какой-нибудь смысл, если бы противники этой теории изучали работы Маркса, Энгельса или Ленина. Фактически ни один из них не удосужился проштудировать ни «Капитал», ни «Диалектику природы», ни «Материализм и эмпириокритицизм». В какой-то степени для теоретиков международных отношений это извинительно, поскольку, действительно, ни Маркс с Энгельсом, ни Ленин не занимались теорией международных отношений, у них нет специальных работ на эту тему. На это обратили внимание и некоторые западные исследователи марксизма, в частности английский международник Бэри Джиле, который справедливо писал: «Карл Маркс никогда в полном объеме не исследовал международные отношения как таковые, и это, возможно, является его единственным величайшим упущением во всем массиве его работ»⁹. На это указывают и другие ученые из Англии. Так, в своей довольно обширной монографии Вера Кубалкова и А.А. Крукшанк писали: «Основная причина трудности в изучении идей Маркса в области международных отношений, кажется, заключается в том, что он уделял им весьма малое внимание... Наверное, можно сказать, что идеи Маркса по данному предмету никогда не были сформулированы и собраны в одном месте»¹⁰. Если с последним утверждением можно согласиться, то первое не совсем верно, поскольку Маркс и Энгельс писали немало на тему внешней политики, к примеру, Великобритании или царской России. Другое дело, у них нет, я подчеркиваю, *специальных* теоретических работ по международным отношениям. Но марксизм не случайно в XX веке стал называться марксизмом-ленинизмом, что отразило теоретический и практический вклад Ленина в теорию марксизма. Его работы по империализму непосредственно затрагивают сферу мировых отношений. И если классики теории международных отношений, такие

⁸ Ibid., p. 101.

⁹ Gills. Historical Materialism and International Relations Theory, p. 1.

¹⁰ Цит. по: Gills, p. 4.

как Ганс Моргентау или Кеннет Уолц, хотя и критически, но вовлекали ленинские работы по империализму в свой анализ международных отношений, то современные теоретики игнорируют их, возможно, даже и не зная о них.

Оставим классиков в покое. Но ведь западные теоретики, за крайне редким исключением, говоря об «упрощенности» марксизма в анализе международных отношений, не читали работ и советских марксистов-теоретиков международных отношений. Что мне придется подтвердить на фактах.

И тем не менее вопрос действительно актуальный, если поставить его в таком ключе: сохранилось ли в современном мире значение терминов *буржуазная* и *марксистско-ленинская наука*?

А в этой связи есть смысл поставить вопрос еще шире: а вообще сохранились ли марксистское мировоззрение и марксистская наука, существуют ли они где-нибудь в принципе, коль произошел коллапс «коммунизма»? Очень многие буржуазные ученые, как ни странно, особенно в России, полагают, что таких мировоззрения и науки уже нет. При этом почему-то от их внимания ускользает такая держава, как Китай, народ которой, как записано в его Конституции, «в своих действиях руководствуется марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина». И научные работы по обществоведению, в том числе и в области международных отношений, базируются главным образом на указанных идеологических основах, хотя и с привлечением некоторых модных идей из арсенала западных теорий международных отношений.

Исследователям, претендующим на объективность, не следуют упускать из виду, что поскольку существуют капитализм и социализм (последний не только в КНР, но даже и внутри некоторых капстран), следовательно, существуют и идеологи той и другой формации, каждая из которых пытается научно обосновать объективную правомерность «своей» системы.

Любой человек, соприкоснувшийся с обществоведческой литературой, легко распознает мировоззренческую позицию автора, которая в XX веке четко определялась двумя идеологическими подходами: буржуазным и марксистским. Понятно, что на буржуазных позициях стояли преимущественно авторы капиталистического лагеря, на марксистских – социалистического. Правда, это в принципе не исключало «ренегатов» в той и другой системе. После распада социалистического содружества в конце XX века количество марксистов-обществоведов в мире поубавилось, если не считать громадное количество марксистов в Китае, которые исповедуют марксизм с сильно окрашенной «китайской спецификой». «Поубавилось» не означает, что они вообще исчезли или исчезла марксистская наука. В свое время после поражения первых буржуазных революций на Западе буржуазные идеологи и ученые продолжали освещать «свет будущего», т. е. капитализма, так и современные марксисты продолжают развивать свои теории, извлекая уроки из поражений государств, развивавшихся на базе марксизма-ленинизма.

Другими словами, и в XXI веке сохраняется качественная мировоззренческая разница между учеными – адептами капитализма и учеными – приверженцами коммунизма. Сохраняются и их базовые научные методологии, определяющие процесс познания окружающего мира. В основе любого мировоззрения обычно лежат некие представления о мире, которые в обобщенном виде концентрируются в философии. Последняя так или иначе оказывает воздействие на умустрой ученого, даже когда он сам этого и не осознает. Данное утверждение хорошо прослеживается и на взглядах буржуазных ученых, занимающихся теориями международных отношений.

При подготовке данной монографии я обращался к работам многих авторов из различных стран, но главным образом США и Великобритании, поскольку именно в этих странах теория международных отношений получила наибольшее развитие. Неслучайно исследователи Германии, Франции, Японии и некоторых других стран также опираются на авторов англосак-

сонского ареала, с которыми они ведут спор по одним и тем же проблемам. По-иному обстоит дело с учеными из КНР. Их теории четко вытекают из формулировок партийных документов ЦК КПК или очередных съездов партии. Споров среди них почти нет, есть «установки», которые не просто расшифровать, не зная нюансов китайской научной кухни. В соответствующем месте я попробую это сделать.

Будучи родом из СССР, я не могу не отреагировать на работы ученых-теоретиков из современной России, а также на труды советских ученых, являвшихся значимыми фигурами в исследованиях по международным отношениям. Поскольку Запад не только не переводил советских работ по данной тематике, но и не обсуждал эти работы, даже в критическом варианте, то я вынужден буду воспроизвести некоторые споры, которые я сам вел, например с таким крупным теоретиком, каковым является Э.А. Поздняков. Что удивительно, тема этих споров до сих пор остается актуальной и на Западе.

План задуманной обширной работы представляется следующим:

Том I. Введение в мирологию

Книга 1. Философия мирологии

Книга 2. Онтологические и гносеологические основы мирологии: сила и прогресс

Том II. Мирология: борьба всех против всех

Книга I. Теории международных отношений (критика)

Книга 2. Проблемы теорий международных отношений и их решения

Том III. Мирология: становление науки

Книга 1. Формирование и реализация внешней политики (понятия и категории)

Книга 2. Мировые отношения (понятия и категории)

Том IV. Мирология: политэкономия мировых отношений

Том V. Мирология: куда движется человечество?

Книга I. Основные проблемы мировых отношений

Книга 2. Опыт прогноза мировых отношений до середины XXI века

Хочу предупредить читателя о том, что этот план может измениться в ходе написания или дополнения тем к основным частям работы по чисто научным причинам или в зависимости от внешних обстоятельств, связанных с различными жизненными перипетиями, которые трудно предусмотреть заранее. Во всяком случае, на момент издания первых книг о науке Мирологии, план таков.

Я осознаю, что этот труд вызовет неприятие как со стороны буржуазных теоретиков, так и тех, кто причисляет себя к неомарксистскому крылу, или, шире, к левым течениям в теориях международных отношений. Прекрасно! Я готов выслушать все суждения, если они будут оплодотворены научным содержанием. И с удовольствием готов ответить на такую критику. Если же эта критика будет носить чисто идеологический, пропагандистский характер, она тоже не останется без ответа, адекватного стилю и формам критикующего. Мои научные учителя

рекомендовали мне уважать своих научных врагов и не щадить идеологических. Я хорошо усвоил их рекомендации.

Книга 1

Философия мирологии

Глава 1. Философские основы теорий международных отношений

1. Классики прагматизма и позитивизма

Почти с самого начала изучения теории международных отношений мне бросилось в глаза не только наличие множества школ и направлений, но и мелкотемье проблем, которые ими затрагиваются. Некоторым же вопросам, решение которых вообще не требует никаких интеллектуальных усилий, например проблеме «субъектности международных отношений», придается настолько гипертрофированное значение, что возникает впечатление, будто от их решения зависит чуть ли не судьба всего мира. Долгое время я не понимал, почему это происходит, пока некоторые работы не стали предвлекать философскими рассуждениями при обосновании последующей позиции по тем или иным проблемам международных отношений. Только тогда я сообразил, откуда растут ноги указанного явления и почему все теоретики любят ссылаться на Канта и крайне редко – на Гегеля.

Несмотря на множество школ и течений в США, все они попадают в разряд буржуазной идеологии, которая взращивалась на идеях классиков американского прагматизма и позитивизма. В первую очередь Чарльза Пирса, Вильяма Джеймса, Джона Дьюи. И хотя после них появилось много новых имен – например, Мэри Калкинс (персонализм), Рой В. Селларс (эволюционный натурализм), Сидней Хук (прагматист-инструменталист), Кларенс И. Льюис (концептуальный прагматизм) и др., в своих фундаментальных положениях «наследники» недалеко ушли от «отцов-основателей». Их философия покоится главным образом на здравом смысле, без гегелевского «бреда» (=диалектики). Такой подход очень понятен простому американцу, который не только прагматик по натуре, но в душе еще и мистик, постоянно соприкасающийся с богом. В соответствии с философией Пирса, которая как нельзя лучше отвечала подобным свойствам американца, в природе причинно-следственных связей не существует, а есть «произвольная детерминация и случайность»¹¹. В основе логики и действительности у прагматика лежит нечто, которое, естественно, непознаваемо. А познаваемо то, что находится в сфере непосредственного наблюдения.

Вильям Джеймс тем же самым идеям, которые Пирсом были изложены в неясных и расплывчатых словоупотреблениях, придал отчетливую словесную четкость. Основную идею Джеймса, что есть истина с точки зрения прагматизма, его последователь Мортон Уайт в концентрированной форме сформулировал следующим образом: «Истинно то, во что мы должны верить; то, во что мы должны верить, – это то, во что нам выгодно верить; следовательно, истинно то, во что нам выгодно верить»¹². В целом Джеймс истинность отождествил с полезностью, полезность с выгодой¹³. Если же копнуть в глубины его философии, то в конечном счете получится классический субъективный идеализм, выраженный генеральной идеей: существо-

¹¹ Непредсказуемость случайности впоследствии очень хорошо легла в теорию синергетики Пригожина, которая стала одним из популярных подходов, рекомендуемых и для ТМО.

¹² Цит. по: Богомолов. Буржуазная философия США XX века, с. 292.

¹³ James. Pragmatism. In writings 1902–1910, p. 574–5.

вать – значит быть воспринимаемым. Да здравствует епископ Беркли! Правда, в отличие от Беркли американцев сама проблема воспринимаемой истины все-таки больше волновала через призму выгоды. Английский философ Морис Корнфорт справедливо замечает:

Джеймс и прагматисты никогда не утверждали, что истиной каждый может считать все, что угодно. Они говорили, что истинным можно считать все то, что *окупается*. В счет идут определенные и осязаемые результаты и результаты, обладающие «наличной стоимостью». Прагматический «идеализм действия» внушает то, что Джеймс называл «нашей общей обязанностью делать то, что окупается»¹⁴.

Сила же самого Джеймса, как удачно подметил советский философ А. Богомолов, заключалась в том, что он «как никто до и после него, возвел в ранг глубочайших философских истин обыденные представления обыденного сознания американской буржуазии»¹⁵.

Известный американский историк и психолог Стюарт Хьюз обращает внимание на другую сторону прагматизма. В главке «Десятилетие 1890-х годов: протест против позитивизма» он пишет: «„Антиинтеллектуализм“ фактически был эквивалентен джеймсианскому прагматизму»¹⁶. «Уникальная ирония, – продолжает автор, – заключалась в том, что то, что началось как ультраинтеллектуальная доктрина, стало фактически философией радикального антиинтеллектуализма» (с. 39). Несмотря на противодействие «интеллектуалам», философия прагматизма распространилась во многих странах Европы и продолжала процветать в Новом Свете, в том числе и благодаря такому яркому ее представителю, как Джон Дьюи.

Правда, Дьюи больше скатывался к «инструменталистскому» крылу позитивизма, хотя большой разницы между прагматизмом и позитивизмом нет, поскольку в этом течении под другим ракурсом и в иных терминах утверждается та же самая идея: мир непознаваем, философские понятия не нужны, прогнозировать ничего не возможно и божественное надо познавать через божественное.

Последнее четко выражено персоналисткой Мэри Калкинс, которая, предварительно выразив согласие с Беркли, Юмом, Гегелем и Ройсом, Пирсоном и Махом, утверждала:

1. Вселенная содержит специфические духовные реальности... Я... присоединяюсь к большинству философов в утверждении, что существуют духовные субстанции, а следовательно, к оппозиции материалистическому, к сведению духовного к недуховному... 3. Вселенная не только включает духовные реальности, но «насквозь духовна по своему характеру, так что все реальное в конечном счете духовно, а следовательно, лично по своей природе»¹⁷.

Идею о невозможности предвидеть и прогнозировать будущее высказывали все философы из этого ряда, но наиболее четко ее выразил Отто Нейрат, который одну из своих статей заключает утверждением: «Все будет развиваться таким образом, который мы не можем сегодня даже предвидеть. Такова наша судьба»¹⁸.

В целом же идею позитивизма Морис Корнфорт выразил следующим образом: «Под позитивизмом я разумею такое философское течение, которое, соглашаясь с тем, что все зна-

¹⁴ Цит. по: Корнфорт. В защиту философии, с. 248.

¹⁵ Богомолов, с. 80–1.

¹⁶ Hughes. Consciousness and Society, p. 36.

¹⁷ Цит. по: Богомолов, с. 125.

¹⁸ Цит. по: Корнфорт, с. 155.

ния основаны на опыте, утверждает в то же время, будто знание не может отражать объективную действительность, существующую независимо от опыта»¹⁹.

Помимо различных форм идеализма всех этих философов (за исключением упомянутого Селларса) объединяет открытый или скрытый антимарксизм и антиматериализм. Это и понятно, поскольку сам процесс возникновения подобных идей был стимулирован именно борьбой против широко распространившегося в XIX веке антикапиталистического марксизма, а в XX веке – против враждебного западному миру Советского Союза. Как совершенно справедливо подметил американский философ-марксист Гарри Уэллс,

главным источником силы прагматизма является организованная сила класса капиталистов. Вся мощь государств, вся его сила, весь аппарат насилия, все средства общения стоят за спиной прагматизма²⁰.

Я не собираюсь здесь вдаваться в критический разбор обозначенных философских направлений, которые существуют под другими названиями в современной философии, тем более что в свое время они были весьма профессионально раскритикованы не только советскими философами, но и западными философами-материалистами, включая американцев (Г. Уэллс). Критиковать их было несложно из-за их методологической слабости и сущностной несостоятельности. Блестящим примером критики является работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин в пух и прах разбил европейских и русских эмпириокритиков Маха, Авенариуса, Освальда, А. Богданова, т. е. теорию эмпириокритицизма, родную сестру прагматизма и позитивизма. Стоит также отметить, что наиболее крупные ученые-физики начала XX века оценивали идеи эмпириокритицизма не менее негативно, чем Ленин и другие марксисты. Так, Макс Планк в одной из своих работ писал:

...ход мыслей передовых умов был бы нарушен, полет их фантазии ослаблен, а развитие науки было бы роковым образом задержано, если бы принцип экономии Маха действительно сделался центральным пунктом теории познания²¹.

И дело не только в махизме. Дело в несоответствии представлений о научной истине ее объективности как отраженной реальности, присущих даже таким великим ученым, как Людвиг Больцман, Альберт Эйнштейн, Макс Планк и др. Все виды позитивизма так или иначе являются вариантами идеализма. В этой связи понятно крайне негативное отношение физика Стива Вайнберга, лауреата Нобелевской премии, к философии. Очевидно, он сталкивался только с философией прагматизма или позитивизма.

Конечно, я не стал бы сейчас употреблять, говоря о прагматизме или позитивизме, привычные для того времени ярлыки типа «системы словесного надувательства», «схоластические упражнения», «главари современного позитивизма» и т. д. Эти философии, безусловно, отражали объективные реальности становления капитализма и тогдашнего империализма, их идеологию, но они отражали и определенный тип мышления, характерный для того или иного народа, не столь откровенно порождаемый базисными структурами общества. И речь не только о культуре мышления, но и о психологии человека, в душе которого всегда сохраняется тяга к мистике и загадкам. К тому же философия дает такой простор для интерпретаций, что из одного и того же суждения можно вывести различные умозаключения. Например, Дьюи утверждает: «Поиски достоверности становятся поисками метода достижения власти»²². Эту фразу можно интерпретировать как утверждение о том, что истинным (достоверным) является только

¹⁹ Там же, с. 3.

²⁰ Уэллс. Прагматизм – философия империализма, с. 258.

²¹ Цит. по: Чудинов. Природа научной истины, с. 55.

²² Цит. по: Корифорт, с. 218.

то, что в конечном счете узаконивается властью. Для философа-марксиста это звучит как ложное утверждение, поскольку истина/достоверность заложена в самой сущности/природе, а не во внешней воле. Но если не вдаваться в глубокие философские дебри, то прав Дьюи. Например, марксизм считался истинным в Советском Союзе и ложным в США. Как говорил один персонаж из платоновского «Чевенгура», «ваша власть, вам видней». Так что в утверждении Дьюи есть определенный прагматический смысл. Но я могу этот постулат интерпретировать как верный и с философской точки зрения. Власть (здесь Дьюи употребил слово *power*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.